

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ В СВЯТООТЕЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ¹

ВЛАДЫКА ИГНАТИЙ (ПОЛОГРУДОВ)

В тексте рассматривается представление о самосознании как о нравственном сознании, почерпнутое из трудов Святых Отцов Церкви, а также представителей русской богословской школы. Разбираются элементы самосознания, прослеживается вектор его развития, проводятся параллели с некоторыми представлениями о личности и самосознании в психологии и философии.

Ключевые слова: сознание, самосознание, нравственное сознание, религиозное сознание, личность, душа

В своей работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» [1917; 1995] Семен Людвигович Франк вынужден был констатировать: «Слово “сознание”, которое, на первый взгляд, все понимают одинаково, т. е. относят к одному и тому же кругу явлений, в действительности есть одно из самых многозначных и неопределенных слов человеческого языка» [Франк, 1995, с. 469]. За те почти девяносто лет, прошедших с момента написания этих строк, к окончательной ясности в этом вопросе так и не пришли. Множество подходов к проблеме сознания в конечном итоге привело и к множеству различных точек зрения на него.

С.Л. Рубинштейн, говоря о личности, подчеркивал, что именно потому, что всякая деятельность исходит от личности, как ее субъекта, и, таким образом, на каждом данном этапе личность является исходным, начальным, психология личности в целом может быть лишь итогом, завершением всего пройденного психологическим познанием пути, охватывая все многообразие психических проявлений, последовательно вскрытых в ней психологическим познанием в их целостности и единстве. Эта мысль вполне могла бы быть отнесена и к самосознанию, так как С.Л. Рубинштейн писал: «Вопрос... изучения личности — это вопрос о ее самосознании».

¹ Доклад, прочитанный на Рождественских Чтениях в феврале 2011 г.

Логика здесь такова:

— во-первых, изначально самосознание представляется «черным ящиком», мы не знаем о нем ничего достоверно;

— во-вторых, единственный приемлемый методологический подход в этом случае — исследовать многообразие психических проявлений, конечно, научными методами;

— в-третьих, из этих частных знаний, как мозаик, необходимо сложить образ во всей полноте, построить законченную теорию самосознания.

Даже при первом взгляде ясно: путь этот бесконечен, а цель, если следовать этим путем, недостижима.

Итак, достаточно ли научной методологической базы для изучения свойств человеческого духа, к коим относится и самосознание? Думаю, нет. Научные методы вполне применимы к лишь явлениям материальным; личность, самосознание — явления духовного порядка.

Кроме того, вряд ли удастся изучить хотя бы одно психическое проявление без того, чтобы с неизбежностью возникли разные точки зрения, а из них — разные гипотезы, теории, школы.

Но даже если допустить, что исследовать каждое психическое проявление (а значит, построить общепринятую теорию) все же удастся, это вовсе не означает, что удастся из этих мозаик сложить целостную и общепринятую картину самосознания.

Еще С.Л. Рубинштейн отмечал: *«Как ни велико значение проблемы личности в психологии, личность в целом никак не может быть включена в эту науку»*. А, следовательно, и самосознание.

Святоотеческая парадигма строится на иных основаниях. Главное из них заключается в том, что самосознание — вовсе не является «черным ящиком», во всей полноте личность явлена через Евангелия, через образ Христа. Причем Личность совершенная, божественная. Святые отцы раскрыли духовный и аскетический аспекты самосознания, а психологи русской школы (В.А. Снегирев, В.И. Несмелов, В.В. Зеньковский) — психологический.

Тема моего выступления — «Проблема самосознания в святоотеческом понимании». Позвольте ее несколько переформулировать: «Феномен самосознания. Святоотеческий подход». Наиболее полно и системно (из известных мне работ) этот подход изложен в фундаментальном труде свт. Феофана Затворника «Начертание христианского нравоучения». Мой доклад основан на этой работе. По мере необходимости, для раскрытия или пояснения тех или иных мыслей свт. Феофана, я буду обращаться к работам В.А. Снегирева и прот. Василия Зеньковского.

«Самосознание, — пишет прот. Василий Зеньковский, — является основным признаком личности в человеке». Оно «имеет своим объектом... глубину и неисчерпаемость жизни внутри человека; и потому самосознание есть... сознание своего единства, своего «я», своего своеобразия, отдельности». Эту глубину и неисчерпаемость вряд ли можно выразить в словах, тем более — найти научное определение.

Известны попытки такого рода. Вот одна из них: «Вертикальный контур, который объединяет все уровни и подсистемы человека, формирует его вертикальную, иерархически упорядоченную целостность, при достижении которой проявляется максимальный синергетический эффект, а уровень энтропии человека как живой системы максимально снижается». Absurdum per absurdum.

Потому В.А. Снегирев определяет сознание как «просто присутствие в душе какого-либо определенного состояния, живого и действующего, или некоторой их суммы». И свт. Феофан Затворник не стремится дать исчерпывающего определения in ratio, понимая всю невозможность этого. Он ограничивается следующим: «Особенный оборот сознания есть самосознание, или самопознание. Оно преимущественно обращено внутрь и различает себя от своих действий, возносясь над тем и другим».

Далее начинается то, что у святых отцов называется духовным рассуждением, высшим даром Бога. В чем этот оборот? Совсем не в том, что самосознание — это сознание, обращенное вовнутрь, на себя; оно может быть направлено и вовне. Самосознание — это нравственное сознание, то есть сознание через призму нравственного чувства. Человек — существо нравственное, а значит, должен обладать «сознанием собственно нравственным, называемым самосознанием, в коем человек сознает себя лицом, обязанным к целесообразной деятельности, к делам ответным, подлежащим отчету».

Странно, не так ли? Однако вот слова С.Л. Рубинштейна: «Сознание человека — это вообще не только теоретическое, познавательное, но и моральное сознание». А далее еще более сильное утверждение: «Свое психологически реальное выражение оно получает в том, какой внутренний смысл приобретает для человека все то, что совершается вокруг него и им самим».

Итак, нравственное сознание по определению является самосознанием. Любой акт самосознания (будь то мысль, образ, поступок) неизменно сопровождается нравственным чувством. Это нравственное чувство, с одной стороны, переживается как нечто цельное, единое, а с другой — возникает как совокупность, взаимодействие других чувств.

В.А. Снегирев выделяет таковых четыре. «Свои (и чужие) действия, вне зависимости от их приятности и полезности, человек:

- различает как плохие и хорошие;
- чувствует необходимость, тяготение делать хорошие и избегать плохих (чувство долга);
- чувствует возможность, имеет свободу выбора, к чему склонить свою волю (чувство свободы, нравственная свобода);
- ощущает в душе удовлетворение при совершении добра и мучение при совершении зла (одобрение или мучение совести);
- переживает чувство одобрения, когда добро сопровождается удовольствием, а зло — наказанием (чувство справедливости).

Последние четыре возникают в душе столь быстро, почти одновременно, что сливаются в единое состояние, чувство».

Отметим еще раз, что такой сложный эмоционально-чувственный нравственный процесс сопровождает всякий акт самосознания. И еще раз подчеркнем: всякое душевное действие (даже если оно направлено вовнутрь), которое не включает в себя нравственное чувство, не есть акт самосознания. Нравственное чувство, будучи направлено на какой-либо предмет, «делает его своим», включая его в сферу личных переживаний (которые описаны выше), как бы включает его в сферу личности. Чем интенсивнее и стабильнее нравственное чувство, тем яснее, отчетливее самосознание, тем на более высоком нравственном уровне находится человек.

Но с самосознанием связан другой феномен, исключительной важности: религиозное сознание. В.А. Снегирев утверждает следующее: *«Идея бесконечного всемогущего Существа есть составная часть процесса самосознания... Степень ясности этой, последней идеи потому всегда пропорциональна степени ясности первой: смутна, неопределенна идея собственной личности, — смутна и идея Личности бесконечной; ясно, определенно и отчетливо сознается человеком особенность собственной его личности и ее свойства, — ясно, определенно возникает представление особенности и главных свойств Личности бесконечной».*

Иными словами, чем отчетливее мое самосознание (чем яснее представлена моя личность в моем сознании, чем интенсивнее нравственное чувство), тем отчетливее мое восприятие Бога.

Долгие годы свт. Феофан всматривался в движения собственной души и душ огромного количества людей, общавшихся с ним и назидавшихся у него. Он указывает три элемента самосознания: целесообразность, долг и ответственность; я 1) обязан совершать определенные дела, которые 2) должны иметь определенную цель (сопровождаться

чувством долга к ее достижению) и 3) подлежать отчету (перед кем-то или чем-то).

Собственно, весь колоссальный, глубочайший труд «Начертание христианского нравоучения» — это весьма детально заданный вектор духовно-нравственного развития. Человек-грешник (непросвещенный благодатью) — это исходное состояние. Цель развития — истинный христианин, человек духовно преуспевший.

Каковы духовные состояния грешника и христианина? Основное различие между ними — способность возвыситься над собою и над внешним миром. Вот что говорит об этой способности свт. Феофан.

О человеке, работающем греху и страстям, несомненно известно, что он не возвышается над внешним миром, а напротив, увлекается им, живет в нем, как бы сорастворяется с ним, почему и называется внешним, вне себя живущим, ушедшим из себя. Благосостояние внешних вещей своих он считает благосостоянием собственного лица и, напротив, неблагополучие их — своим несчастьем. Оттого покусение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и проч. глубоко потрясают его, поражают в самое сердце.

Не возвышается он также и над внутренним своим миром, но так же, как внешними вещами, увлекается и механизмом внутренних своих движений. Обыкновенно говорят: я задумался, был в забытьи, не помню, что со мною было и около меня... то есть в это время он увлекался движением мыслей, или был вне себя от радости, убит горем, в сердцах вышел из себя... то есть предал себя движениям сердца; или не вспомнишься в хлопотах и заботах: то нужно, другое нужно... то есть беспрерывно гонять все вперед и вперед многообразные желания воли. Очевидно, что преданный греху не властен над внутренними движениями, а втеснен как бы в них, влечется ими, как воин, стесненный внутри полка. И это не на один только час, а постоянно. Таков уж закон его жизни внутренней: вестися как ведомому.

Это опаснейшее из оболщений лица грешного. Все, что возникает внутри, считает он собственно собою и стоит за то как за себя, как за свою жизнь. Оттого и отказать себе ни в чем не хочет.

Между тем мало ли всевается в нас совне от сатаны и мира, кроме того, что возникает от живущего в нас греха, которого тоже не следует считать собою?

Первое действие благодатного пробуждения грешника состоит в извлечении души из механизма его внутренней и внешней жизни и в возвышении над течением ее... Здесь, следовательно, полагается первая возможность сознанию истинному и полному.

С сей минуты оно и начинается, ибо первый взор человека под действием благодати обращается на его существенные отношения: на них прежде всего падает свет ее. Затем уже внимательный к себе не сходит с сей высоты духа. Око его вознесено над всем своим и над всем соприкосновенным к нему, и все то сознает и видит он ясно, как страж какой.

Самосознание состоит у истинного христианина на высшей степени совершенства. Так — он ясно знает свои действия.

Знать свои действия означает:

- помнить отчетливо факты внутренней и внешней жизни;
- знать, насколько они чисты или греховны;
- вполне помнить, осознавать их «силу и смысл» (смысл — для чего они, куда ведут в данной ситуации, цель их?);
- знать, что послужило их побудительной причиной.

Истинный христианин знает, что он значит сам, что его ожидает, в каком он состоянии, в каких отношениях к другим. Он ясно, истинно осознает:

- его внутреннее состояние сейчас, в данный, текущий момент;
- каковы его взаимоотношения с людьми;
- что в духовном отношении он из себя представляет в данный период жизни;
- какова тенденция его духовного развития.

THE PROBLEM OF IDENTITY IN PATRISTIC UNDERSTANDING

ARCHBISHOP IGNATIUS (POLOGRUDOV)

Author examines approaches to self-consciousness and identity as parts of moral consciousness, based on the writings of the Fathers of the Church, as well as representatives of the Russian theological schools. The elements of consciousness are studied, its development is described and some theoretical companionship is done with the models of identity and self-consciousness in psychology and philosophy.

Keywords: consciousness, identity, moral consciousness, religious consciousness, personality, soul